

ПОЭЗИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ

2207

Заметки о творчестве В. Каверина

СОЛНЕЧНЫЙ день ранней осени. Мальчик держит в руках яблоко, «с хрустом закусывает его, зажмурившись от счастья», потому что все вокруг: «блеск двери, полуоткрытой в спальню родителей, праздничность солнца, вкус яблока соединяются в еще небывалое чувство счастья». Не правда ли, такое ощущение бывает только в детстве, когда ты окружен любящими людьми, когда над родным городом — высокое небо, а за окном таинственно перешептываются деревья сада, и ты уверен, что ничего плохого с тобой не может случиться.

Мальчик — герой романа Вениамина Каверина «Освещенные окна» — это сам автор, город, описанный подробно и поэтично, — Псков начала века, где родился писатель.

Семь лет назад, когда роман только что вышел из печати, наша телевизионная группа впервые побывала у Вениамина Александровича в Переделкино. Мы задумали подготовить передачу о творчестве писателя. Я — редактор будущей программы, перед встречей перечитала многие книги Каверина. Образ писателя сложился в моем воображении таким: он представлялся мне высоким, крупным, с мужественным, чуть обветренным лицом, похожим на капитана. Все оказалось иначе. Нас встретил худощавый, немного усталый человек, с изящными манерами и живыми, насмешливыми глазами. Стояло начало лета. Мы разговаривали на веранде переделкинского дома. Вениамин Александрович слушал нас добродушно и заинтересованно, но само внимание к его личности как будто вызывало в нем удивление, в его ответах на наше предложение проскальзывала мягкая ирония к предмету беседы, к самому себе. Природная деликатность, непосредственность и детскость — вот что запомнилось в ту первую встречу. Забыв о времени, вслушались мы в плавное звучание речи писателя: простой, образной, чистой.

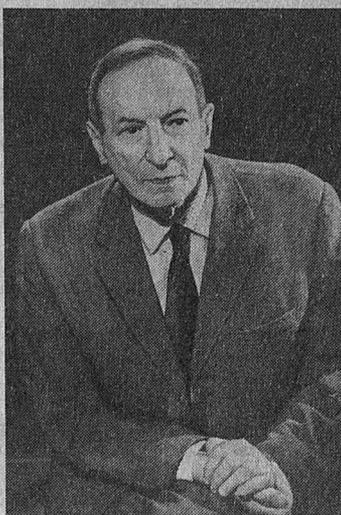
— Конечно, все письма Горького у меня сохранились. Его уроки оказались неоценимыми... Во время ленинградской блокады почти весь мой архив погиб, только чудом удалось сохранить письма Горького... Ныне переписка эта издана.

— А знаете ли вы, как я написал свой первый рассказ? — в глазах Каверина вспыхивает озорство. — Я тогда учился в Ленинградском университете и должен был сдавать курс логики профессору Ложскому. Меня очень интересовала неэвклидова геометрия Лобачевского,

согласно которой параллельные линии пересекаются в пространстве. И вот после экзаменов я проходил мимо Дома литераторов, где увидел объявление о конкурсе начинающих писателей. Я пришел домой, взял белый лист бумаги, расчертил его на две половины: на одной стороне листа я стал писать историю студента — современника, проигравшегося в карты, а на другой — историю монаха, живущего в XVII веке, который порывает с религией и уходит в мир. В итоге я заставил своих героев встретиться на берегах Невы, то есть сделал то, что доказывал Лобачевский своей теорией...

Слушая эту историю, которая потом прозвучала в телевизионной передаче, увиденной сотнями зрителей, подумалось, что «склонность к странностям и неожиданностям, всегда украшавшая книги Каверина», прослеживается с юношеских, а может быть, с детских лет писателя. Книги его всегда остро сюжетны, две параллельные линии обязательно пересекаются в них, и в результате этого — столкновение характеров, мировоззрений, духовных начал. Есть у Каверина ранняя повесть «Черновик человека». В ней впервые возникают образы детства, родного города, матери, дяди, старшего брата. Появляясь они еще бегло, концептивно, порой обозначаются лишь одной фразой. Эту повесть можно рассматривать как черновик многих последующих каверинских книг и героев с их горячностью молодости, бескомпромиссностью, прямоотой, верностью идеалам. Сам Каверин говорит так: «Черновик человека» теперь кажется мне чем-то вроде метафоры, предсказавшей мои книги в той или иной степени автобиографичные. Благодаря этому конспекту я впервые задумался о проблеме противостояния двух основных жизненных явлений, о пользе мужества, чести, добра и опустошающей бесцельности зла. Именно этот поединок впоследствии оказался основным тематическим стержнем моих романов «Исполнение желаний», «Два капитана», «Открытая книга»...

Названные произведения стали уже советской классикой. Все новые и новые поколения молодых читателей обращаются к этим книгам, примеряя к собственной жизни романтический каверинский девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Не случайно, для телевидения вновь экранизированы «Два капитана» и «Открытая книга», последовательно и неторопливо знакомящие зрителей с каверинскими героями, которые одновре-

менно и представители своего времени, и люди сегодняшнего дня.

...Русоголовый мальчик с пытливыми глазами из затерянного города Энска, мучительно стесняющийся своей немоты, чурющийся сверстников, упорно пытается повторить слова, которым научил его необычный доктор, внезапно появившийся в одиноком деревенском доме... Хрупкая девочка с высоким чистым лбом сидит на скамейке у ног старого учителя и вслушивается в сказку о ночном стороже, который любил смотреть в увеличительное стекло на все, что его окружало... Юность, принимающая из рук старших эстафету знаний и творческого поиска, учитель и ученик, преемственность поколений — эти линии неизменно повторяются в сочинениях Вениамина Каверина. Его молодые герои всегда стремятся к задаче, которая как будто выше их сил, но твердость духа, нравственная цельность, преданность избранному делу позволяют им достигнуть желаемой цели. Таковы Саня Григорьев и Таня Власенкова. Такова Лиза Тураева из романа «Перед зеркалом».

После того как был сделан телевизионный портрет Каверина, мы задумали литературную композицию по роману «Перед зеркалом». Роман только что вышел, его читали, о нем спорили, он был неожидан для самого автора. История в письмах, без острого сюжета, без мастерски выписанной интриги, как бывало прежде. В романе — много документальных фактов, подлинные письма малоизвестной художницы лежат в его основе.

В Переделкино стояла зима. Вениамин Александрович жил тогда один, работая над продолжением «Освещенных окон».

Мы с режиссером приезжали к нему несколько раз, обсуждали сценарий, обговаривали возможных исполнителей, оформление, костюмы. Каверин интересовался мельчайшими деталями будущей работы, и больше всего его беспокоило, будет ли образ на телеэкране соответствовать его Лизе — девушке «смелой, взыскательной, внутренне свободной».

— Письма художницы, которые однажды принес мне знакомый профессор, — говорил Каверин, — послужили новым поводом для размышлений о живописи, никогда не оставлявших меня. Письма вернули меня к затаенной надежде — написать цельный женский характер. Возможно, подлинная Лиза Тураева не узнала бы себя, читая мою книгу, в романе она и та, подлинная, и совсем другая, под сказанная воображением...

В эти встречи Вениамин Александрович был другим: как будто ничего не осталось от того добродушного, насмешливого человека, каким мы запомнили его в первый раз, он стал строгим и требовательным. Композиция сценария, которую он сначала принял, вдруг перестала его удовлетворять. Мы вставляли новые страницы, что-то убирали, меняли местами, но дело не клеилось, пока, наконец, писатель не взялся за работу сам. Он добавил несколько фрагментов, и все встало на свои места. ...На просмотр Каверин приехал с близкими и друзьями. Мы с волнением ждали его суда. И вот он с грустью произносит: «Это совсем другое, ничего общего не имеет с моим романом». Тогда один из его товарищей, искусствовед, возразил: «Но ведь это не спектакль, это именно чтение страниц вашего романа. Актеры не воплощают образы Лизы и Карновского, а лишь намекают на их характеры. Они стараются донести прежде всего слова автора. Мне кажется, такая форма очень хороша для телевидения... Каверин слушал сначала недоверчиво, потом удивленно, будто что-то открывал для себя, потом дружески всем улыбнулся и сказал, что согласен.

Совместная работа каждый раз открывала мне нового Каверина, вносила оттенки и краски в его портрет, дополняя образ писателя, нарисованный книгами. Сегодня уже можно говорить о большой работе, которую ведет Вениамин Александрович на телевидении. Его рассказы о Юрии Тынянове, Александре Грине, Аркадии Гайдаре, Николае Заболоцком, Константине Паустовском — эти живые, любовные воспоминания о сво-

их знаменитых друзьях — могут дать зрителю, и прежде всего учителю, гораздо больше сведений, нежели иные статьи и методические пособия. Воспоминания о писателях, о жизни советской литературы, начиная с 20-х годов и по сегодняшнему дню, наблюдения и размышления над событиями и развитием нашей литературы составляют автобиографические книги Каверина «Собеседник» и «Вечерний день», роман «Освещенные окна». В них, как отмечает сам автор, есть «поэзия достоверности». Она, в чем я убеждена, есть в каждом выступлении писателя на голубом экране.

Вот Вениамин Каверин выступает в Концертной студии Останкино. Он читает страницы только что написанного романа «Двухчасовая прогулка». Негромкое, уютное, домашнее чтение напоминает всем, кто знаком с биографией Каверина, да и самому писателю, его юность, когда вот так же он отдавал на суд «серапионовых братьев», товарищей по литературному цеху только что написанное сочинение. Правда, «Двухчасовую прогулку» слушают уже не десять — двенадцать человек, а тысячи в самых разных уголках страны. Каверин, как всегда, естествен, несуетлив, органичен. Он напоминает то школьного учителя простотой и убедительностью слов, то ученого-исследователя, поражающего широтой знаний и глубочайшей образованностью, то доброго доктора, заботливого и внимательного к людям. Образ писателя как будто вобрал в себя черты его собственных литературных героев: старого врача из «Открытой книги», учителя Кораблева из «Двух капитанов», профессора-филолога Бауэра из «Исполнения желаний». И больше всего — мальчика из «Освещенных окон», который с удивлением всматривается в окружающий мир и в собственное «я». Это пылкое, неуспокоенное «я» владеет всеми и каждым, кто так или иначе становится собеседником Вениамина Александровича.

— Молодость не вернешь... — сказал однажды писатель. — Но если бы мне пришлось повторить жизнь, я бы повторил ее именно так, как она у меня прошла. Она прошла в счастливом труде, который приносил мне удовлетворение. Мой путь был нелегким, мне приходилось преодолевать немало препятствий, и все же я выбрал бы ту же самую жизнь, которую прожил. Я помню завет Горького — всегда оставаться самим собой.

Т. ЗЕМСКОВА,
тележурналист.